

ж) для наблюдения за порядком во время производства арестантами работ назначался один из младших помощников начальника роты дежурным по работам и унтер-офицеров, заведующих отделениями арестантов;

з) окончание работ в определенные часы возвещалось барабанным боем на главной гауптвахте с повтором на прочих постах. По прекращении работ арестанты отводились обратно в места заключения;

и) конвой назначался от войск местного гарнизона, так, чтобы при значительном числе работающих арестантов на каждые 10 чел., а также на каждое число их, превышающее 10 до полного второго десятка, приходилось сверх кадровых унтер-офицеров военно-исправительных рот по 1 конвойному рядовому, а при каждых 10-ти конвойных – по 1 унтер-офицеру от гарнизона; при раздробительных же работах назначалось к арестантам: числом 1–3 человек – 1 конвойный, к 3–7 арестантам – 2, и 7–10 арестантам – 3 конвойных рядовых. Если случалось, что число конвойных с положенными к ним унтер-офицерами составляло 60 чел., то назначался и офицер местного гарнизона; как офицер, так и унтер-офицеры находились там, где присутствие их было наиболее необходимо, и наблюдали как за арестантами, так и за конвойными.

Во избежание увеличения конвоя следовало стараться избегать раздробительных работ. Нижним чинам за конвоирование арестантов при работах выдавалось по 3 коп. в день. Ружья у конвойных были с примкнутыми штыками и заряжались боевыми патронами. Для облегчения нижних чинов при исполнении конвойной службы людям одной смены следовало вступать в конвой после обеда и продолжать свою очередь на следующий день поутру. Конвойным воспрещалось говорить с арестантами и допускать их к сношению с посторонними. Конвойный не мог разрешить арестантам отлучаться с места работ без дежурного офицера или унтер-офицера [4, с. 758].

Если арестант обнаруживал во время работы умысел к побегу и оказывал сопротивление конвойному, то последний призывал на помощь караул; в крайних случаях он обязан был употреблять в дело оружие. О подобных происшествиях конвойный должен был немедленно объявлять унтер-офицеру, или дежурному по работам. На площадях и улицах, где работали арестанты, воспрещалось торговцам продавать что-либо арестантам.

Ввиду возложения на арестантов военно-исправительных рот крепостных работ, мастерские работы им следовало исполнять, только когда крепостных не было вовсе или когда они не требовали всех арестантов. Для предоставления же всем арестантам возможности одинаково участвовать в мастерских работах на крепостные и хозяйственные работы их назначали поочередно (ст. 5).

Военно-исправительные роты помещались в зданиях, занимаемых военно-арестантскими ротами. Здания эти следовало приспособить так, чтобы в них были: общие камеры для арестантов; помещения для нижних чинов роты; комната для свиданий; мастерские; столовая, где возможно ее было устроить; церковь; карцеры, устраиваемые так, чтобы заключенных, в случае необходимости усилить строгость наказания, можно было держать в совершенной темноте; кухня и пекарня; цейхгауз; баня; отхожие места. В общих и отдельных камерах полагались разбирающиеся нары или складные кровати (ст. 6).

В военно-исправительных ротах испытуемые арестанты содержались в общих помещениях, отдельно от арестантов разряда исправляющихся, их запрещалось смешивать с ними на работах и в столовых (ст. 7). Всех без исключения арестантов обучали строю 3 раза в неделю по 2 часа, из числа часов, назначенных для работ, в хорошую погоду – на тюремном дворе, а в ненастную – где было удобно. Время для учения назначалось по усмотрению начальника роты. Арестанты могли заниматься

строевыми движениями в воскресные и праздничные дни после обеда; но в дни, назначенные для говенья, они освобождались от этих занятий (ст. 8).

Больные арестанты до устройства лазаретов отправлялись в госпиталь или лазарет и помещались в арестантском отделении (ст. 9). Для образования в военно-исправительных ротах специальных сумм обращались состоящие в военно-арестантских ротах экономические суммы (ст. 10).

Переформирование военно-арестантских рот в военно-исправительные следовало произвести немедленно по прилагаемому штату управлений военно-исправительными ротами. Штат, приложенный к самому положению об этих ротах, вводился в действие особым распоряжением. По возможности следовало заменить крепостные работы арестантов занятиями в мастерских и окончательно устроить помещения военно-исправительных рот (ст. 37–40 Положения о этих ротах) (п. 11) [4, с. 759].

На помощников начальников рот, разделенных по временному штату на старших и младших, кроме общих обязанностей, возлагалось: на старших – непосредственное заведывание арестантами (от 100 до 300 чел., ст. 17 полож.); а на младших – дежурство по крепостным работам арестантов и заведывание письмоводством в тех ротах, в которых, по временному штату, особых секретарей не было (ст. 12). По наложению дисциплинарных взысканий на чинов, служащих в ротах, старшим помощникам предоставили права ротных командиров, а младшим – права субалтерн-офицеров в войсках. Относительно же взыскания с арестантов страшим помощникам следовало руководствоваться ст. 19 положения о военно-исправительных ротах.

Так как, по временному штату, врачей в роте не полагалось, то для врачебной помощи арестантам назначали врачей от военного госпиталя, если такой был в месте расположения роты, или от войск местного гарнизона (ст. 13). Начальника местных войск в округах предоставлялось, по мере развития мастерских работ и по указанию опыта, входить с представлениями о введении должности руководителей мастерских работ (ст. 14). Фельдфебеля назначались в непосредственное ведение одних старших помощников начальника роты (ст. 15).

Обращаясь к анализу Положения о военно-исправительных ротах, следует указать, что согласно ему эти подразделения предназначались для содержания нижних воинских чинов, приговоренных к этому наказанию по суду (ст. 1). При этом осужденные не исключались из военного ведомства, но время нахождения их в этих ротах не зачитывалось им в действительную службу (ст. 2). Именовались военно-исправительные роты по тем крепостям или местам, в которых они располагались (ст. 3).

Военно-исправительные роты принадлежали к составу местных учреждений в военных округах и подчинялись начальникам местных войск в округах на правах начальника дивизии. Ближайшее управление каждой ротой вверялось особому начальнику. Для обсуждения мер к достижению нравственного исправления арестантов и для управления хозяйственной частью учреждался при каждой такой роте комитет. Независимо от ротного комитета состоял при каждой исправительной роте особый ревизионный комитет из лиц, не принадлежащих к военно-исправительному ведомству. Военно-исправительные роты в крепостях были, в зависимости комендантов, на тех же основаниях, как и войска, составляющие гарнизон крепости. Роты же, находящиеся в губернских городах, где не было крепостей, подчинялись на том же основании губернским воинским начальникам (ст. 5–9).

Начальник роты назначался по представлению военного министра приказом царя [4, с. 760]. Начальник роты обязывался: а) вверенную ему роту и места

заключения содержать в исправности; б) соблюдать порядок и способ содержания арестантов; в) стремиться к нравственному исправлению арестантов; г) направлять действия служебных обязанностей к сохранению между арестантами воинской дисциплины; д) обращаться с заключенными человеколюбиво, внушая это и всем служащим при роте.

Кроме того, начальник роты был обязан, чтобы каждый из арестантов во время нахождения в роте выучился грамоте или какому-либо мастерству. О чрезвычайных происшествиях в роте начальник немедленно доносил: а) на имя царя, с надписью на конверте: «по Главному Штабу о происшествии»; б) начальнику местных войск в округе, для представления командующему войсками, с пояснением, когда и за каким № донесено царю; в) коменданту или губернскому воинскому начальнику, смотря по тому, в крепости или в губернском городе находится тюрьма. В случае побега заключенных начальник тюрьмы сносился еще и с подлежащим гражданским начальством. Начальник роты имел права полкового командира как в отношении наложения взыскания на подчиненных ему чинов, согласно положению о дисциплинарных взысканиях, так и по преданию их суду. Арестантов начальник роты имел право подвергать взысканиям, указанным в п. 1ст. 121 и в ст. 122 Положения, и предавать суду (п. 10-15).

Помощники начальника роты избирались им самим и утверждались по представлению начальника местных войск в округе командующих войсками. Помощники содействовали ротному во всем, что касалось общего порядка управления арестантами. Также каждый помощник имел в своем непосредственном заведывании от 100 до 300 арестантов. Каждый помощник начальника роты вел о поведении всех своих арестантов дневник, на основании собственных наблюдений и ежедневных докладов фельдфебеля. Помощники ротного имели право: а) налагать на подчиненных им чинов за упущения по службе дисциплинарные взыскания по власти, предоставленной ротным командирам в войсках, б) подвергать виновных арестантов взысканиям по ст. 121 и 122 положения. В случае болезни или отсутствия ротного обязанности его исполнял старший в чине помощник (ст. 16–20).

Отдельно в положении оговаривались статус и обязанности священника роты (п. 21), секретаря [4, с. 761], врача и фельдшеров (ст. 25–26), заведующем работами (ст. 27–29).

Кадровые нижние чины избирались ротным из войск округа и назначались по распоряжению начальника местных войск в округе. Они должны были быть грамотные (ст. 30). Унтер-офицеры роты исполняли служебные обязанности по распределению начальника роты; полагались и унтер-офицеры для заведывания отделениями (по 25 арестантов), надзиратели – по 1 при лазарете, цейхгаузе, кухне и в помощь заведующему работами в мастерских; привратник и дьячок при церкви (ст. 31). Фельдфебели, состоя в непосредственном ведении помощников начальника роты, наблюдали за исполнением отданных по отделениям приказаний и сохранением в них порядка. Они ежедневно докладывали помощникам начальника роты о состоянии отделений, а также об арестантах как замеченных ими в неисправности, так и заслуживающих особого внимания примерным своим поведением (ст. 32). Унтер-офицеры, заведующие отделениями, содействовали фельдфебелям в общем наблюдении за арестантами и дежурили. Отдельно определялись общие преимущества чинов рот и порядок увольнения их (ст. 34–35) [4, с. 762].

В зданиях, занимаемых военно-исправительной ротой, полагались: отдельные по числу арестантов камеры; карцеры для провинившихся; церкви; мастерские; столовые; лазарет; приемная для поступающих арестантов; комната для свиданий;

квартиры для всех служащих при роте; цейхгауз; кухня и пекарня; баня и отхожие места, устраиваемые по особым правилам. В камерах были кровати, столики и табуреты, а в столовых и мастерских – столы и скамьи. Утварь эта устраивалась так, чтобы арестанты не могли днем лежать на кроватях, а прочие предметы употреблять как орудия разрушения (ст. 37). Камеры означались номерами. На подвижном ярлыке, прикрепленном к двери каждой камеры, надписывалось: а) имя и прозвание арестанта, б) на какой срок приговорен к заключению и когда срок этот оканчивается, в) к какой принадлежит мастерской. Двери камер и карцеров имели наружные замки с ключами и окошечки с железной решеткой, отпирающейся снаружи (ст. 38). Для подачи помощи из коридоров мастерских и столовых проводились звонки в караульную комнату и квартиру начальника роты.

Карцеры устраивали так, чтобы арестантов при необходимости усилить строгость наказания можно было держать в полной темноте. На каждые 100 камер полагалось 5 карцеров (ст. 39). Лазарет устраивали сообразно с штатным числом арестантов, полагая на 100 чел. 8 кроватей. В местах заключения следовало соблюдать чистоту и опрятность; воздух в камерах, столовых и мастерских освежался воздухом чаще. Всем вообще служащим в ротах воспрещалось курение не только в камерах арестантов, столовых и мастерских, но и в коридорах (ст. 41).

Коридоры и лестницы мест заключения освещались всю ночь (ст. 42). Посторонним не дозволялось входить в ограду здания роты без разрешения ее начальника (ст. 43). Ворота имели калитку с задвижкой, были всегда заперты на замок и отворялись лишь в случаях, указанных начальником роты (ст. 44). Отлучки чинов управления разрешались его начальником. Сам же начальник не мог ночевать вне ограды зданий роты (ст. 45) [4, с. 763].

При местах заключения арестантов полагался караул. В особо важных случаях нарушения арестантами порядка в роте караул по требованию начальника роты оказывал помощь. Часовым запрещались разговоры и какие бы то ни было сношения с арестантами. Если караул замечал, что кто-либо из арестантов покушался к побегу или намеревался совершить преступное деяние, то, не ожидая приказа начальника роты, арестовывал виновного. При сопротивлении или насилии арестантов караул употреблял оружие. Инструкция для караула находилась в караульной комнате (ст. 46–51).

Содержание и форма обмундирования чинов, служащих в военно-исправительной роте, предметы довольствия для арестантов определялись штатом и табелью. Суммы на содержание управлений военно-исправительных рот и арестантов вносились в финансовую смету военного министерства. Отопление, освещение и ремонт арестантских помещений производились на основании действовавших постановлений (ст. 51–52).

При направлении осужденных в роты с ними отправлялись копии приговоров, послужные списки, их собственные деньги. Арестанты снабжались старой, но годной формой без погон. Имеющиеся у нижних чинов знаки отличия и медали, а также деньги передавались конвоирующими для доставки в роту, где они хранились до освобождения. Не внесенные, скрытые деньги и вещи отбирались. Осужденные проходили медицинское освидетельствование, зачислялись в роту немедленно по прибытии, записывались под № отведенной ему камеры в алфавитную книгу со всеми подробностями о них (ст. 53–58) [4, с. 764].

Арестанты военно-исправительных рот делились на разряды испытываемых и исправляющихся. Срок нахождения в разряде испытываемых назначался: осужденным в роты на время от 4 до 6 лет – 1 год; на время от 2 до 4 лет – 8 месяцев, и на время от 1 года до 2 лет 4 месяца. Арестанты поступали в разряд испытываемых при зачислении их в роты и, по миновании сроков испытания или же и ранее,

переводились в исправляющихся, если постоянно отличались покорностью, хорошим поведением и трудолюбием. В ином случае содержались в разряде испытуемых, пока не заслужат перевода в разряд исправляющихся по решению командира. С перечислением в разряд исправляющихся их сроки содержания в роте сокращались на 1/3, если они в продолжении этого времени на подверглись наказаниям. Для отличия от арестантов разряда испытуемых им нашивались на воротниках курток красные клапаны (ст. 60–62).

Для удобства наблюдения за арестантами каждый из разрядов делился на особые отделения до 25 чел. Отделения составлялись из арестантов, знающих одинаковые мастерства. Арестанты разряда испытуемых содержались в течение половины определенного ст. 60 срока испытания в одиночном заключении днем и ночью, в продолжение остального времени испытания – в отдельных камерах только ночью. Арестанты разряда испытуемых, находящиеся в постоянном одиночном заключении, содержались и занимались работами и упражнениями совершенно одинаково с заключенными в военных тюрьмах (ст. 52–65 Полож. о воен. тюрьм.). Арестанты же, состоящие в разряде испытуемых, но не содержащиеся в постоянном одиночном заключении, и исправляющиеся арестанты в течение дня находились во дворе для исполнения различных работ и занятий, молитв, обеда, ужина и прогулок [4, с. 765]. Испытуемым, находящимся в постоянном одиночном заключении, если они обращали на себя внимание примерным поведением, мог быть сокращен ротным комитетом остальной срок их испытания, но не более как на 1/3.

Утром, за час до начала работ, арестанты, не содержащиеся в постоянном одиночном заключении, убрали свои камеры, умывались, одевались, им брели бороды по очереди. Каждое отделение построившись шло в сопровождении своих унтер-офицеров в столовую, где арестантам давался на завтрак черный хлеб с солью из дневной порции. После того они шли в мастерские на работы. Около полудня арестанты обучались строевым движениям; затем они обедали и после отдыха возвращались в мастерские. Вечером – ужин, спустя полчаса – переключка и спать. Подробное распределение дня в исправительной роте составлялось ее начальником и утверждалось командующим войсками в округе, по соглашению с Главным военно-тюремным комитетом.

Арестанты выполняли все действия по сигналу барабана. Утром и вечером, а также перед обедом и ужином и после них арестантам читали установленные молитвы. Для надзора за соблюдением арестантами порядка во время молитв, приема пищи и прогулок, сверх отделенных унтер-офицеров и фельдфебелей, присутствовал один из помощников начальника роты; во время же работ в мастерских наблюдали за порядком дежурные унтер-офицеры и заведующие работами. Арестантам воспрещалось: употреблять горячие напитки, курить и нюхать табак, иметь при себе деньги и какие бы то ни было вещи и орудия. Для точного соблюдения этого правила арестантские камеры и сами арестанты при всяком выводе их из камер и возвращении в них осматривались унтер-офицерами. Посылать и получать письма арестанты могли не иначе как с разрешения и через посредство своего начальства. В часы отдыха исправляющиеся и те из испытуемых, которые не содержались в постоянном одиночном заключении, проводили время в хорошую погоду на дворе, а в ненастную – в столовой или мастерских, по усмотрению начальника роты. Игры были запрещены. Начальник мог разрешить недолго им разговаривать.

Арестанты посылались в баню 2 раза в месяц и переменяли: рубахи – раз в неделю, а в летнее платье – 2 раза в месяц. В воскресные и другие свободные от работ дни арестантам разряда исправляющихся могло быть дозволено свидание в

присутствии одного из помощников начальника роты и с разрешения начальника в специальной комнате и в определенный им час, после обеда. Свидания назначались редко, посетителям не разрешалось ничего приносить и передавать арестантам (ст. 63–76) [4, с. 766].

Что касается одежды, хозяйственных принадлежностей и пищи арестантов (гл. IV Положения), то на каждого арестанта полагались: зимняя куртка и шаровары из серого сукна, летняя куртка и шаровары из белого равентука; 2 пары суконных и 2 пары холщовых портянок, 2 пары полусапог и к ним 2 пары подметок; 3 рубахи; галстук с манишкой; шапка; 2 полотенца и одеяло из серого сукна. Иную одежду носить запрещалось (ст. 77).

Арестанты разряда испытуемых, содержащиеся в постоянном одиночном заключении, получали пищу на одинаковом основании с заключенными в военных тюрьмах (ст. 58. пол. о воен. тюрьм.). Всем прочим арестантам отпускалось ежедневно: 1) хлеба ржаного 3 фунта и соли 6 золотников на каждого; 2) горячая пища, т. е. щи или похлебка, приготавливаемые из овощей: в скоромные дни с салом, а в постные – с постным маслом; 3 раза в неделю и, кроме того, по высокосторжественным дням – с крошенным мясом или рыбой, из расчета на 1 по четверти фунта того или другого, 3) квас. Горячая пища отпускалась исправляющимся арестантам и тем испытуемым, которые не содержались в постоянном одиночном заключении, к обеду и ужину. Кроме того, арестантам разряда исправляющихся давалась каша 2 раза в неделю. Пища для арестантов ежедневно свидетельствовалась одним из помощников начальника роты (ст. 79–81).

Занятия арестантов состояли: в работах, упражнении в строевых движениях, в изучении грамоты. Работы разделялись на хозяйственные и мастерские внутри ограды здания, занимаемого ротой. Вне ограды арестанты на работах не использовались. При назначении арестантам работ учитывались их физическая сила, здоровье и способность к тому или другому роду работ. Работали ежедневно, за исключением воскресений и праздничных дней. Арестанты – иудеи и мусульмане освобождались от работ для молитвы: первые по субботам, а последние по пятницам, но не освобождались от работ в воскресенье. Независимо от дней тезоименитства и коронования они освобождались от работ для молитвы и в дни, о которых ежегодно объявлялось циркулярами главного штаба, проводя эти дни и совершая молитвы в своих камерах. Для занятия арестантов работами полагалось от 8 до 10 ч. в день (ст. 83–88).

Хозяйственные работы заключались в готовке пищи и кваса, распилке, рубке и подноске дров, топке печей, качании воды и занятиях по содержанию чистоты и опрятности в коридорах, сенях, на дворе и вообще в зданиях роты. Ими занимались исправляющихся по очереди (ст. 89–90) [4, с. 767].

К работам в мастерских относили производства: портняжное, сапожное, шорное, бондарное, токарное, столярное, кузнечное и слесарное, а также витье веревок, делание циновок, щеток и т. п. Допускались и другие работы, безвредные для здоровья арестантов и безопасные. Испытуемые, содержащиеся в постоянном одиночном заключении, занимались работой в своих камерах, а все прочие – в мастерских. Над дверью каждой мастерской означалось ее название (по роду мастерства), и выставлялся список работающих в ней арестантов. Перед выходом из мастерских арестанты складывали свою работу и инструмент. Дежурные унтер-офицеры поверяли инструменты. Во время работ арестанты могли обращаться к унтер-офицерам или обучающим мастерам только с вопросами, относящимися к работе, но лишь в полголоса. Для содействия заведующему работами и вольнонаемным мастерам при подготовке и распределении работ и рабочего материала ротным могли назначаться лучшие по поведению арестанты из разряда

исправляющихся, но самим арестантам не поручался надзор за прочими арестантами во время работ. Мастерские работы производились по казенным или частным заказам, на продажу. Ротный командир определял, какие заказы могли быть исполнены арестантами, но сами заказы принимал начальник роты. Заказы записывались в ротном комитете в особую книгу, со внесением задатка, равного 1/4 договорной суммы. В этой же книге и означалось кол-во уплаченных денег. Инструменты и материалы для изделий на продажу приобретались на счет специальной ротной суммы.

Изделия для продажи выставлялись в особых помещениях, по распоряжению начальства роты, или поручались разносчикам и торговцам. Прежде распродажи изделий ротный комитет давал им приблизительную оценку. Из чистой прибыли, вырученной от продажи арестантских изделий, отчислялось 10 % в пользу арестантов, а 90 % обращались: а) на покрытие расходов по содержанию роты, б) в специальную ротную сумму, в) в пользу чинов, служащих в роте. Размер, в котором эти 90 % разделялись по назначению, определялся главным военно-тюремным комитетом. Арестанты награждались за произведенные ими работы соответственно усердию своему в работах. Хлебопекам и кашеварам, постоянно занятым, отчислялась ежемесячно из специальной ротной суммы часть денег, равная среднему заработку арестанта. Количество заработанных арестантами денег исчислялось в конце месяца, и затем объявлялось им, сколько пришлось по расчету на каждого. Причитающиеся арестантам деньги не выдавались им на руки; но из следующей каждому суммы позволялось исправляющимся в виде награды за хорошее поведение расходовать до 50 % на отправку писем и покупку в торжественные дни и большие церковные праздники булок, чая и сбитня (с разрешения начальника роты) (ст. 91–108).

Исправляющиеся и те из испытуемых, которые содержались в постоянном одиночном заключении, в воскресные и праздничные дни и прочее свободное от работ и строевого учения время обучались грамоте и слушали чтение книг, приобретаемых ротным комитетом. Испытуемые, содержащиеся в постоянном одиночном заключении, обучались в своих камерах по возможности. Грамоте обучали ротные унтер-офицеры под руководством и в присутствии священника или помощника начальника роты. В помощь унтер-офицерам могли назначаться с разрешения начальника роты отличнейшие по поведению грамотные арестанты. Книжки читались арестантам в столовых или мастерских в присутствии помощника начальника роты (ст. 109–112) [4, с. 769].

Проступки, за которые определялись наказания (гл. VII) начальством военно-исправительных рот, разделялись на 2 рода. Первый: 1) маловажные нарушения установленного порядка, несоблюдение опрятности, тишины и т. п.; 2) нерадение в исполнении урочной работы; 3) ложные показания о болезни; 4) взятие без позволения какой-либо чужой вещи без намерения утаить и присвоить ее; 5) непослушание фельдфебелю или унтер-офицерам без всякой, однако, грубости или иных увеличивающих вину обстоятельств.

Второй: 1) означенные выше проступки, когда арестанты оказались виновными в них более 2-х раз; 2) драки и побои, не имевшие последствием раны, увечья или повреждения в здоровье; 3) умышленная порча одежды, обуви и других вещей; 4) умышленное повреждение места заключения, утвари, посуды, инструмента или рабочих материалов; 5) взятие чужих вещей с намерением присвоить их себе; 6) имение при себе воспрещенных вещей и орудий; 7) покушение на подкуп нижних чинов для послабления в надзоре; 8) своеволие, буйное поведение и другие подобные проступки, нарушающие порядок и благочиние; 9) непослушание фельдфебелю или унтер-офицерам, когда оно сопровождалось грубостью; 10)

покушение к побегу; 11) необъявление начальству о желании других арестантов бежать.

За проступки первого рода определялись такие наказания: 1) заключение в одиночном карцере на время от 3-х до 7 дней с содержанием на хлебе и воде; 2) заключение в темном карцере на такое же время с содержанием на хлебе и воде. Наказание за проступки второго рода полагались в такой постепенности: 1) заключение в темном карцере от 7 до 14 дней с содержанием на хлебе и воде; 2) продолжение времени испытания от 1 до 3 месяцев или перечисление из разряда исправляющихся в разряд испытуемых на такое же время. Сверх того, за умышленную порчу мастерского инструмента или материалов виновные подвергались вычету количеству ущерба из заработка. Если проступки 1-го и 2-го разряда сопровождалась обстоятельствами, увеличивающими вину, то нарушители могли быть наказаны розгами: за проступки 1 рода – до 30 ударов по распоряжению помощника начальника роты, а за проступки 2-го рода до 100 ударов по определению начальника роты. Телесное наказание назначалось или вместе с вышеприведенными взысканиями, или в виде самостоятельного наказания. Наказания арестантов военно-исправительных рот за преступления определялись особыми узаконениями (ст. 119–124).

Больные арестанты получали в лазарете пищу и медикаменты на общем основании с войсками; провиант и кормовые деньги на арестанта заболевшего показывались в роте к зачету. Время болезни, проведенное в госпитале или лазарете, не включалось в срок пребывания в роте, если только травма была получена на работе от несчастного случая (ст. 126–127).

Освобождение арестантов из военно-исправительных рот происходило: а) по миновании определенных ими сроков заключения и б) по неспособности к работам. Такие обращались на службу исключительно в полевые войска. Не состоящие на срочной службе по выбытии из роты исключались из военного ведомства и передавались в распоряжение гражданского начальства. Заработанные в роте деньги выдавались нижним чинам в полках и командах не иначе как по переводе их в разряд беспорочно служащих. Неспособными ни к каким работам признавались арестанты: совершенно слепые; не имеющие рук или ног; дряхлые от совершенного расслабления, паралича и других болезней; имеющих большие килы, препятствующие ходить и работать, и оказавшиеся после долговременного лечения имеющими совершенно неизлечимые болезни, лишаящие навсегда способности ко всякой работе. Они передавались для содержания в гражданские тюрьмы (ст. 128–135) [4, с. 772].

Ротный комитет был при каждой роте из помощников начальника и под его председательством. В совещаниях комитетов участвовали также священник по делам нравственного исправления арестантов и церковного хозяйства и врач по делам медико-полицейским и вообще требующим принятия гигиенических мер. Комитет обслуживал все мероприятия, касающиеся благосостояния роты и точного применения предписанных правил содержания арестантов. Он распоряжался: ремонтом зданий; б) заготовкой продовольствия и припасов для изделий; покупкой необходимых предметов, руководствуясь правилами о заготовлениях по военному министерству. Комитету предоставлялось: утверждать подряды и разрешать хозяйственные заготовки до 1000 руб.; распоряжаться, с предварительного разрешения начальника местных войск в округе, хозяйственной заготовкой одежды для арестантов и нижних чинов роты не свыше определенных окружным интендантством цен; сокращать арестантам сроки испытания и переводить арестантов из разряда испытуемых в исправляющиеся. В отношении требования, прихода и расхода сумм, материалов и всяких вообще предметов довольствия роты,

поверки и свидетельства их, предоставления срочных донесений и отчетности комитет руководствовался правилами, установленными для войск, в которых были хозкомитеты. (ст. 144–149).

Ревизионный комитет при каждой роте состоял из командира губернского батальона и 2 офицеров от местных частей артиллерийского и инженерного ведомств. Обязанности комитета были: а) в удовлетворении, что установленные для роты правила исполняются точно, б) в производстве ревизии ротного хозяйства, причем комитет обращал особое внимание на степень развития мастеровых работ, на оборот денежных сумм, правильно ли назначались цены изделиям, изготавливаемым арестантами. Комитет распорядительной власти не имел, а входил в письменные сношения с начальником роты и не делал ему, а также подчиненным ему лицам замечаний (ст. 151–155) [4, с. 773–774].

Таким образом, начало реформы военно-судебной и пенитенциарной систем в России приходится на 1867 г. Указом от 16 мая 1867 г. арестантские роты инженерного ведомства заменены военно-исправительными ротами. В этот же день принято положение о военных тюрьмах, крепостном военно-арестантском отделе и положении о военно-исправительных ротах. Положение о военно-исправительных ротах хотя и было принято немедленно, однако вводилось постепенно. Его основными отличиями по сравнению с предыдущим являются смягчение условий содержания заключенных, гуманизация отношения к ним, попытки обучения заключенных грамоте, постепенный отказ от внешних работ с переносом работ арестантов в мастерские.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. 5. 1713–1719. – СПб., 1830. – 780 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. I. С 12 декабря 1825 по 1827. – СПб., 1830. – 1204 с.
3. Курабцева А. П. Реформирование военно-арестантских рот в 1854–1865 гг. // Власть закона. – 2016. – № 1. – С.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLII. Отделение первое. 1867. – СПб., 1871. – 1206 с.

Kurabtseva A.P. Development of institute soldiery prisoner mouth of the Russian empire in the second half of XIX v. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – P. 60–70.

It is indicated in the article, that in the first half of XIX v. military-workings subdivisions which was used together with labour of ordinary soldiers and convict on different construction-works were created in Russia. By legal framework of their activity «Statute for education of fortress prisoners in prisoner companies» from September, 6, 1826 with adding to him «Statute about soldiery prisoner companies». With their acceptance presence prisoner mouth both land and naval in the Russian army became a norm. In 1854–1864 there was gradual liquidation of prisoner mouth. Beginning of reform of the military-judicial and penitenciamoy systems in Russia is on 1867 By a decree from May, 16, 1867 the prisoner companies of engineering department are transferable military-correctional companies. Position is in this day accepted about soldiery prisons, fortress military-prisoner separation and position about military-correctional companies.

Keywords: prisoner companies, military-correctional companies, reform, penitenciamaya system.

Spisok literatury

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. S 1649 goda. T. 5. 1713-1719. – SPb., 1830. – 780 s.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbranie vtoroe. T. I. S 12 dekabrya 1825 po 1827. – SPb., 1830. – 1204 s.
3. Kurabceva A. P. Reformirovanie voenno-arestantskih rot v 1854–1865 gg. // Vlast zakona. – 2016. – №1. – S.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbranie vtoroe. T. XLII. Otdelenie pervoe. 1867. – SPb., 1871. – 1206 s.

УДК 347.79

**СОЗДАНИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ЧЕРНОМОРСКО-АЗОВСКОГО
РЕГИОНА В 20-е ГОДЫ XX в.**

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе рассматривается процесс создания в 20-е годы прошлого века единой метеорологической службы в РСФСР и гидрометеорологической службы Черноморско-Азовского региона, правовое регулирование ее деятельности как важного звена в обеспечении безопасности торгового судоходства региона. Рассматриваются нормативно-правовые акты, регламентирующие создание и функционирование гидрометеорологической службы Черного и Азовского морей, задачи, возлагаемые на метеорологические (геофизические) станции, на руководящий состав портов, правовые основы деятельности гидрометеорологической службы Черного и Азовского морей по взаимодействию с портами по обеспечению материальных потребностей последних для выполнения возложенных на нее задач. Освещается важный аспект деятельности гидрометеорологической службы Черного и Азовского морей по информированию о гидрометеорологических сведениях, извещениях и исследованиях в печатных изданиях службы.

Ключевые слова: Черноморско-Азовский регион, торговое судоходство, правовое регулирование, гидрометеорологическая служба, метеорологическая станция.

Безопасность торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе является ключевым фактором благополучия и экономического развития региона. В связи с этим исследование всего комплекса вопросов, связанных с функционированием и взаимодействием служб, обеспечивающих безопасность торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе, приобретает особую актуальность. Важнейшая роль в таком функционировании и взаимодействии отводится правовому регулированию их деятельности. Так как основы существующей системы безопасности судоходства в Черноморско-Азовском регионе были заложены еще в далекие 20-е годы прошлого века, то ее совершенствование и решение большей части стоящих проблем невозможно без анализа и учета исторического опыта.

Целью работы является изучение создания в 20-е годы прошлого века гидрометеорологической службы Черноморско-Азовского региона и правового регулирования ее деятельности как важного звена в обеспечении безопасности торгового судоходства региона.

При этом автор учитывает исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: А. Ю. Егоров, В. Д. Смоленцов, А. Д. Кейлин, В. Н. Гуцуляк, С. А. Гурьев, Б. В. Змерзлый, А. Л. Колодкин и др. В работах данных авторов исследование данного вопроса в обозначенных нами временных и региональных рамках не проводилось.

Создание различных служб, обеспечивающих безопасность деятельности торгового судоходства в советский период в Черноморско-Азовском регионе происходила не на пустом месте. Во-первых, еще до 1917 г. в составе морского ведомства действовало Главное гидрографическое управление (далее – ГГУ), занимавшееся картами, установкой различных знаков, управлением деятельностью маяков и т. д. Во-вторых, в начале XX в. в изучаемом регионе была создана достаточно разветвленная гидрометеорологическая служба с центром в Феодосии. Однако развитие всех этих служб и правовое регулирование их деятельности происходило уже в новых условиях.

Так, 10 января 1918 г. вышел приказ народного комиссариата по морским делам «Об образовании в составе ГГУ: 1) отдела гидрографического, 2) отдела технического и 3) отдела общих дел» (приказ № 304) [1]. Заведывание отделами гидрографическим и техническим возложили на начальников этих отделов под руководством начальника ГГУ, непосредственному ведению которого поручался отдел общих дел.

Должность помощника начальника ГГУ переименовывалась в должность начальника Гидрографического отдела; в штат ГГУ вводилась должность начальника Технического отдела с присвоением им содержания по 28 разряду таблицы окладов для штатных и состоящих на государственной службе чинов морского ведомства, утвержденной Законодательным советом морского ведомства 7 декабря 1917 г. В то же время упразднились положенные по штату 23 октября 1916 г. в составе ГГУ должности астронома обсерватории и заведующего граверной [1].

Следует также указать и на то, что и в новых условиях ГГУ осталось одной из служб, непосредственно подчиненных военно-морским силам. К истории его развития в советский период также можно упомянуть, что в 1918–1922 гг. на морях были созданы Управления по безопасности кораблевождения (Убеко), которые объединили существовавшие мелкие гидрографические части в единые местные управления, непосредственно подчиненные ГГУ. Само же ГГУ в 1924 г. стало Главным гидрографическим управлением СССР, а в сентябре 1926 г. оно было переименовано в Гидрографический отдел Управления военно-морских сил Рабоче-крестьянской Красной Армии (Гидрографический отдел УВМС РККА) и т. д. В этих условиях за ГГУ остался контроль за маяками и отчасти за деятельностью лоцманов. В остальном же данное учреждение было практически полностью перенацелено на обеспечение нужд военно-морского флота.

Иная ситуация сложилась с гидрометеорологической службой. С окончанием основных сражений гражданской войны и необходимостью восстановления нормального функционирования торгового флота 21 июня 1921 г. был издан декрет СНК «Об организации метеорологической службы в РСФСР» [3, с. 51]. В нем указывалось, что в целях объединения метеорологического дела в РСФСР и для планомерного обслуживания всех ведомств и населения необходимыми для них данными метеорологических наблюдений СНК постановил: руководство всем метеорологическим делом в РСФСР возложить на Главную физическую обсерваторию (ГФО), которая становилась центральным географическим учреждением республики.

Декрет предусматривал, что связь метеорологической службы РСФСР с такой же службой других стран всего мира осуществлялась через ГФО. При этом в